

опубликована заметка о таком бесстрашном пастыре, который являл собой образец истинного священника: «Пехота поднялась и побежала в штыковую атаку на немца. А сам о. Павел уже впереди, высоко подняв крест в правой руке, бежит, словно боится, что его опередят прийти первым к неприятельским окопам. Здесь он и санитар, и пастырь и командир...» [12]. Поддержание в русских воинах веры в победу, смелость и героизм стали главными задачами военных священников на фронте, владикавказских священников – в тылу.

Итак, анализ благотворительной деятельности православной церкви во Владикавказской епархии в 1914–1917 гг. показал, что она проявляла понимание необходимости поддержки государства и брала на себя большие расходы по содержанию раненых, помощи семьям военнослужащих, поддержанию морального духа населения. Священство епархии активно включалось в организацию госпиталей, сбор пожертвований, беседы на нравственно-патриотические темы.

Примечания

1. Всеподданейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания. Пг., 1914. С. 68.
2. Афиногентова А.П. Социальная активность Русской православной церкви: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 18.
3. Горожанина М.Ю. Деятельность православной церкви в годы Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. 2006. № 5 (23). С. 255.
4. Церковные ведомости. 1914. № 30. С. 382.
5. Владикавказские епархиальные ведомости (далее – ВЕВ). 1915. 15 февраля. С. 129.
6. ВЕВ. 1915. 15 марта. С. 92.
7. ВЕВ. 1916. 15 апреля. С. 26.
8. Церковные ведомости. 1916. № 10. С. 126.
9. Горобец А. Социальное служение Владикавказско-Моздокской епархии в годы Первой мировой войны. URL: http://www.ive1875.narod.ru/texts/Gorobets/texts/soz_sluz.htm (дата обращения: 31.05.2016).
10. ВЕВ. 1915. 15 марта. С. 16.
11. ВЕВ. 1916. 15 апреля. С. 555.
12. ВЕВ. 1915. 15 января. С. 212.

Ю.А. Бирюкова

Русская православная церковь на Юге России в условиях Гражданской войны: проблемы адаптации к новым политическим условиям

С началом Гражданской войны совпал период активных преобразований в Русской православной церкви. В конце XIX – начале XX вв. общественностью обсуждалась назревшая реформа синодальной системы.

Церковная жизнь протекала под знаменем явления, получившего название «церковной революции» – реформаторской активизации церковной общественности и низового «правотворчества» духовенства и мирян, – в общем, ломкой снизу синодальной системы управления, что, как правило, проходило не без крайностей и довольно болезненно для сложившегося церковного управления [1]. Захват власти большевиками и сопротивление этому процессу Добровольческого движения на Юге России зажали Церковь в тиски военного конфликта. Положение ее осложнялось оторванностью от центральной церковной власти, и она была вынуждена самостоятельно организовывать управление и решать текущие задачи на свой страх и риск, параллельно выстраивая свои отношения со светской властью.

Первая проблема, которая возникла перед Церковью в данный период, – это, конечно же, проблема ее положения в государстве. Но она не была новой. Вопрос этот, напрямую связанный с реформой синодального строя, интенсивно обсуждался в начале XX в. Сама Церковь была кровно заинтересована в его решении, в отличие от монархии, которая придерживалась в этом вопросе консервативной позиции. Процесс обсуждения был завершен в 1917 г. на Всероссийском поместном соборе.

Определение Священного собора православной российской церкви о правовом положении Православной российской церкви от 2 декабря 1917 г. было принято с целью обеспечения свободы и независимости Церкви в условиях изменившегося политического строя (прихода к власти Временного правительства, т.к. именно тогда был разработан проект), учитывало зарубежный опыт и российскую специфику государственно-церковных отношений [2]. Автором проекта был профессор Донского университета Павел Владимирович Верховский. После Февральской революции он развернул широкую общественную деятельность: изложил свое видение обновленных государственно-церковных отношений в серии статей, а затем в ходе Всероссийского съезда духовенства и мирян, прошедшего в Москве 1–12 июня. Его взгляды вполне типичны для представителя церковной общественности того времени. Предложенную им модель государственно-церковных отношений можно обозначить как кооперационную. Между государством и Церковью должна существовать связь, что не противоречит принципу свободы совести, однако Церковь в свободном государстве должна быть свободна и автономна в своей внутренней жизни, должна выполнять свои специфические функции – влиять на духовную и культурную жизнь общества, но не служить орудием государства в достижении его политических целей. Необходима сепарация государственной и церковной властей. Тем не менее отделение Церкви от государства в этой концепции не предусматривалось.

Позиция П.В. Верховского в период Гражданской войны не была аполитичной и неопределенной. Он всей душой был на стороне Добровольческих сил и не сомневался в их победе, действия же большевиков считал несовместимыми с нравственностью и свободой [3].

Сложно складывались отношения Церкви с Временным правительством. С одной стороны, именно оно позволило Церкви созвать Поместный собор, с другой – приняло ряд законов, не одобренных церковной общественностью. Духовенство Юга России, как и других ее губерний, приветствовало Февральскую революцию, надеясь, что она освободит Церковь от слишком тесных государственных объятий, «от обязательства играть какую-либо политическую роль» [4]. 25 апреля 1917 г. состоялся чрезвычайный Донской епархиальный съезд духовенства и мирян, в котором участвовало более 300 человек. Центральными были вопросы о положении Церкви в государстве и свободы всех вероисповеданий. Резолюция съезда гласила: «Так как вера составляет высшую ценность человеческого духа, распоряжение которой принадлежит только исповедникам этой веры, съезд признает справедливым и необходимым предоставить свободу вероисповедания всем без различия гражданам государства. 2) Православная Церковь не претендует на юридическое господство над другими исповеданиями, а признает в себе достаточную силу для развития и укрепления, свойственных ей жизненных начал. 3) Православная Церковь в отношении к государству, положившему в основу жизни принципы справедливости, свободы, равенства и братства, желает установить отношения не разделения, а содружества и сотрудничества в проведении этих принципов в жизни, причем считает для себя возможным пользоваться материальными средствами государства для удовлетворения своих нужд, не претендуя на исключительность в этом отношении перед другими религиями» [5].

Вместе с тем постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 г. объединялись все учебные заведения, принадлежавшие разным ведомствам, и переводились в подчинение Министерству народного просвещения. В их числе подлежали передаче все школы, содержащиеся на государственные средства, включая 37 тыс. церковно-приходских и церковно-учительских школ, состоящих в ведении Священного синода. Постановление вызвало протест и критику в церковных кругах, однако было неизбежно, т.к. эти школы создавались государством с политической целью и содержались за государственный счет [6].

После начала вооруженного противостояния на Юге России отношения Церкви и власти складывались с учетом представления Добровольческих сил о самих себе и своих задачах. Командование Добровольческой армией претендовало на значение всероссийского объединяющего центра, вокруг которого должна была формироваться временная государственная власть, исповедовало принцип единоличной военной диктатуры и максимальной концентрации власти, создавало предпосылки для образования умеренно авторитарного государства. Вместе с тем Белое движение представляло собою военно-политический альянс русского национально-патриотического элемента с казачеством. Казачество вносило центробежную тенденцию в Добровольческое движение, стремясь к автономии. Казачьи государственные образования – правительства

Дона, Кубани и Терека – хотя и были союзническими, но отношения их с главнокомандующим складывались достаточно сложно. Атаманы и войсковые правительства стремились не допустить распространения власти Особого совещания при главкоме ВСЮР на территории казачьих областей в делах гражданского управления, защищая свой «суверенитет» [7]. Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, окончательно оформленный на учредительном съезде 16–21 октября 1917 г. во Владикавказе, претендовал на «полную самостоятельность» в составе России. Предусматривалось создание «объединенного правительства», «сплочение боевой мощи казачества», защита территории Союза от «надвигающейся волны анархии». С переводом ставки главнокомандующего в Таганрог и Ростов-на-Дону резко обострились его отношения с Кубанской радой [8].

В условиях, когда сами добровольческие силы не представляли единства, сложно было призывать к воссозданию единой России. В такой ситуации Церковь должна была выступить примирительной и объединяющей силой. Поэтому объединение епархий под началом общего церковного управления виделось как шаг к государственному единению территорий, как полагал Деникин, под властью Главнокомандующего. Все перечисленные выше факторы оказывали влияние и на церковную жизнь.

Итак, в создавшихся условиях Церкви на Юге России необходимо было решить проблему изоляции от Высшего церковного управления, оказавшегося на территории, окончательно занятой большевиками. 27 апреля 1919 г. по проблеме учреждения высшей церковной власти состоялось собрание, которое, по сути, представляло собой заседание религиозно-просветительского отдела Совета государственного объединения. Протопресвитер Г. Шавельский поставил на собрании проблему активизации церковной жизни и необходимости для этого учреждения Временного высшего церковного управления (далее – ВВЦУ) Юга России [9]. Было решено созвать для этого Собор. На первом заседании Предсоборной комиссии потребность в ВВЦУ мотивировалась необходимостью решения вопросов, «превышающих компетенцию духовной епархиальной и высшей военно-гражданской власти» [10]. Священник В. Кожин о мотивах создания ВВЦУ в газете «Донские ведомости» писал: «Полагали, что с помощью центрального органа легче будет устроить опустошенные большевиками епархии» [11].

Лидеры Белого движения возлагали на учреждаемую высшую церковную власть на Юге России определенные надежды, лежащие в практической плоскости, в области идеологии. Член Союза русских национальных общин В.М. Скворцов сформулировал свое видение мотивов, которыми оправдывалась необходимость учреждения высшего органа церковного управления: «Добрармия вследствие большевистского пленения и угнетения духовного вождя нашей Церкви Святейшего Патриарха Тихона не имеет от него благословляющей ее крестные подвиги

патриаршей грамоты, которая бы указала сбиту с толку темному народу молитвенноспешествующее отношение Церкви к Доброармии как собирательнице рассыпавшейся Русской земли и охранительнице святынь народной веры и Церкви, правопорядка и истинной свободы» [12]. Очевидно, подразумевается давление, оказываемое на патриарха пришедшими к власти большевиками. В результате в ряде посланий 1918–1919 гг. патриарх отверг участие Церкви в борьбе против советской власти и в политической борьбе в целом, заявив о позиции нейтралитета в Гражданской войне и аполитичности Церкви. Находясь в совершенно ином положении, чем территории страны, захваченной большевиками, церковное управление на Юге России могло действовать иначе, нежели центральная церковная власть. От Церкви ждали, что она, по словам Скворцова, «осветит духовным ореолом новосозданную русскую армию как христоролюбивое воинство», т.е. официального благословения Белого движения.

С 19 по 24 мая 1919 г. прошли заседания Юго-Восточного русского церковного собора, ознаменовавшего продолжение соборной деятельности Церкви, прерванной и невозможной на территориях, занятых большевиками. Помимо решения проблемы организации церковного управления, Собор уделил внимание таким ключевым вопросам, как возрождение приходской жизни, административно-территориальные преобразования, поддержка духовно-учебных заведений и церковно-приходских школ, положение русского православного населения и духовенства Русской церкви в Закавказье, церковная дисциплина.

Главной проблемой духовных учебных заведений на Юге России являлось их слабое материальное обеспечение. Материальное положение мужских и женских учебных заведений было неодинаковым, к тому же оно разнилось по районам Юга России. Наиболее благоприятное положение было в Донской области, где учебные заведения содержались за счет казны и средств Войска Донского. По указу Временного правительства на Дону и Кубани все церковно-приходские школы были переданы в Министерство народного просвещения. Нестабильность политической ситуации привела к тому, что в Ставропольской губернии лишь часть школ была передана министерству, а 150 школ остались в ведении училищного совета. Они бедствовали в связи с прекращением государственного финансирования. Здания повсеместно реквизировались Добровольческой армией. Собор счел, что все церковно-приходские школы должны быть возвращены Церкви и обеспечены полностью из средств казны.

Несмотря на обстоятельства Гражданской войны, Собор говорил о возрождении приходской жизни. Были рассмотрены различные проекты организации прихода [13]. Идея развития прихода как единицы, способной стать основой не только духовного, но и социально-экономического возрождения государства, была трендом того времени. Политические организации, нечувствительные к начавшемуся возрождению приходской жизни, не замечающие роста народного внимания к Церкви и потому не участвующие в этом процессе, оставались аутсайдерами

политической борьбы внутри белого движения. Например, белогвардейская печать характеризовала партию «Национальный центр», ориентированную на буржуазию и близкую к руководящим кругам Особого совещания, и даже более демократический «Союз Возрождения», как не имеющие политических перспектив именно по этой причине [14]. И напротив, общественно-политические организации, уделявшие внимание этому вопросу, обладали наиболее сильным потенциалом.

Самый яркий пример – «Союз русских национальных общин». Устав союза провозглашал воссоздание «Великой, Единой и Неделимой России», и христианская Церковь (православная и старообрядческая) «должна морально и духовно объединять русский народ, нравственно влияя на все стороны государственной жизни». Для проведения национальной идеи в широкие народные слои Совет союза признал необходимым наладить тесное сотрудничество с церковными приходами [15]. Тем не менее проекты развития прихода как церковно-общественного центра, прозвучавшие в ходе заседаний Юго-Восточного собора, составляли альтернативу идеям «Союза русских национальных общин». Если Церковь стремилась к духовно-нравственному возрождению народа, следствием которого стало бы возрождение государства, то политические партии использовали идею общины для расширения сферы своего влияния и решения задач политического и государственного характера.

Острое обсуждение, возникшее на Соборе вокруг вопроса о местопребывании ВВЦУ, также стало следствием борьбы политических сил. Об этой дискуссии позднее вспоминал протопресвитер Г. Шавельский [16], сообщила газета «Приазовский край» [17]. Предсоборная комиссия предлагала учредить его местопребывание при высших гражданских учреждениях Добровольческой армии, донские представители возражали. По мнению протопресвитера, целью создания ВВЦУ являлось укрепление власти главнокомандующего, поэтому и находиться оно должно при нем. «Самостийники понимали это, – пишет Шавельский, – и уже собирались перетянуть ВВЦУ во Всевеликое войско Донское» [18].

Но не следует думать, что церковная власть в лице Собора во всем шла на поводу у главнокомандующего. Так, Собор придал статус самостоятельной епархии Кубанскому викариатству [19]. В условиях конфликта Деникина с Кубанской радой это деяние было способно навлечь подозрения в поддержке кубанской «самостийности».

С ростом территорий, контролируемых Добровольческой армией в 1919 г., рос и объем гражданских дел. 2 (15) февраля 1919 г. Деникиным было утверждено новое «Положение об Особом совещании», в которое вошло управление исповеданий [20]. Летом начальником управления исповеданий стал князь Г.Н. Трубецкой, в декабре 1919 г. исполняющим обязанности – граф В.В. Мусин-Пушкин [21]. Но ВВЦУ подвергалось критике деятельность деникинского управления исповеданий [22].

В сентябре 1919 г. Деникин выпустил «Декларацию о взаимоотношениях Церкви и государства», в которой говорилось: «В согласии с новыми

началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора, Православная Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления. Впредь до выработки особых по сему предмету законоположений, учрежденному ныне Временному управлению исповеданий, подлежит иметь наблюдение за соответствием постановлений власти Православной Церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями. Через его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью Церкви в ее материальных и иных нуждах» [23].

Профессор Верховский высоко оценил декларацию генерала Деникина, в частности отметив: «... в письме ген. Деникина и речи нет об отделении Церкви от государства. Более того, он не проектирует и каких-либо своих форм их взаимоотношения. Он принимает и санкционирует главнейшие основные черты Соборного Определения 2 декабря 1917 г. по этому вопросу...». Положительно комментирует Верховский и задачи Временного управления исповеданий как наблюдателя за соответствием постановлений церковной власти гражданским законам, делая, однако, оговорку, что «форма и способы этого наблюдения никак не определяются», но судя по всему, Деникин не пойдет по пути «бюрократического надзора, осуществлявшегося весьма неудовлетворительно бывшими синодальными обер-прокурорами» [24].

Таким образом, можно заметить, что Церковь на Юге России стремилась к независимой позиции, не политической, а религиозно-нравственной, поддерживая Добровольческую армию как законную государственную власть, союзницу Церкви в борьбе с безбожием и гонением на веру. Церковь поддержала основной политический лозунг Белого движения о «непредрешении» формы правления, что ей самой позволяло оставаться выше политической борьбы. Ее роль в благополучии России виделась определяющей, но в ином смысле, нежели использование ее авторитета теми или иными общественно-политическими силами или даже официальной властью.

Примечания

1. Rogoznyy P.V. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 15–16.

2. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 2. С. 6–8.

3. [Проекты текстов приветственных телеграмм, составленные Верховским] // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 56; Бирюкова Ю.А. Апология православного духовенства в тюремных записках П.В. Верховского 1922 г. // *Przegląd Wschodnioeuropejski. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie Wydział Humanistyczny Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych*, Olsztyn. 2015. № VI/2. С. 52–65.

4. [Записка о государственно-церковных отношениях в Донской области. 8 февраля 1922 г.] // Архив Управления Федеральной службы безопасности России по Ростовской области. Д. П-59205. Т. 8. Л. 171–172 об., 174–177.
5. Вольный Дон. 1917. 29 апреля. № 20.
6. Об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения, 20 июня 1917 г. // Церковные ведомости. 1917. № 28. С. 191.
7. Бутаков Я.А. Особое совещание при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России (1918–1919 гг.). URL: http://www.antibr.ru/dictionary/ae_ossov_gk.html (дата обращения: 14.02.2016).
8. Карпенко С. Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: разные пути возрождения России // Обозреватель – Observer. 2012. № 10. С. 119; Пученков А. С. Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2012. С. 385–406.
9. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 17–25.
10. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
11. Донские ведомости. 1919. 31 мая (13 июня). № 124.
12. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 2. Д. 4. Л. 19об.
13. Подробнее об этом см.: Бирюкова Ю.А. Позиция Юго-Восточного русско-го церковного Собора 1919 г. в политическом противостоянии периода гражданской войны // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 60 (5). С. 9–17.
14. Свободная речь. 1919. 27 августа. № 174.
15. ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 69. Л. 22, 32–33об., 37об.
16. Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 344.
17. Приазовский край. 1919. 30 мая. № 121.
18. Шавельский Г. Указ. соч. С. 351.
19. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
20. Бутаков Я.А. Указ. соч.
21. Кандидов Б.П. Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1951. С. 36.
22. Молчанов Л.А. Мы не дали верующим всего того, что должны были дать (Временное высшее церковное управление на Юге России) // Белая гвардия: Русская православная церковь и белое движение. М., 2008. С. 34.
23. Кандидов Б.П. Указ. соч. С. 37; Церковные ведомости. 1919. № 2–3.
24. Кандидов Б.П. Указ. соч. С. 38; Верховский П.В. Исторический акт // Церковные ведомости. 1919. № 4.

К.Б. Чигиринская

Священнослужители Русской православной церкви – свидетели и участники Гражданской войны на Юге России

В научных и общественных кругах до сих пор, спустя почти 100 лет, не утихают дискуссии о причинах Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны. Конечно же, недостаточно назвать в числе причин